

АНТРОПОПРОЕКЦИЯ

О перспективах совмещения био-, техно- и культурологического подходов к проблематике дизайна

В теории и методологии дизайна завоевывает всё большую популярность та называемый *средовой* подход, впервые предложенный и энергично развивающийся за последние годы архитектурной и градостроительной мыслью. Одним из объектов наиболее настоятельно требующих такого подхода, дизайнеры считают жилище (дом), занимающее, с точки зрения проектировщика, промежуточное положение между таким глобальным объектом, как город, и таким локальным, как единичная вещь (промышленное изделие).

Средовой подход возник как реакция на чересчур жесткий функционализм господствовавший в архитектурных и дизайнерских кругах на протяжении нескольки десятилетий. Средовики полностью отвергают концепцию дома как "машины для жилья" и города как кибернетической системы, хранящей и перерабатывающей массивы информации, значимыми единицами которой, наряду с вещами, являются живые существа. При такой трактовке, указывают критики, человеку навязываются крайне узкие рамки и жесткие условия жизнедеятельности, не способствующие удовлетворению и развитию его многообразных социальных и культурных запросов и потребностей.

В противовес функциональному видению проблемы выдвигается экологическое человек – не набор выполняемых им функций, а био-социальное существо обитающее в определенной среде (естественной и искусственной); вопрос в том насколько такая среда обеспечивает благоприятные условия человеческого существования. Здесь, однако, мы сталкиваемся с некоторыми методологическими препятствиями.

Понятие среды берется из биологии, из экологических концепций. Вместе с тем эффекты и условия, которые должны обеспечивать элементы этой среды ее обитателям, понимаются скорее в физическом смысле. Когда говорят об оптимизации процессов жизнедеятельности или же функциональных процессов протекающих в среде, это заставляет нас вспомнить о социологии и науке управления, т.е. о еще большем количестве разнообразных дисциплин, которые в средовой подход каким-то образом втягиваются, но увязываются с ним недостаточно убедительно. Переходы от одного, неявно предполагаемого плана рассмотрения другому (от био- к социо- и к техно-) не выполняются достаточно четко. Таким образом, когда говорят о средовом подходе, возникает возможность мыслить и представлять себе за данным понятием самое разнообразное содержание.

Но предметный мир, с которым человек сталкивается и взаимодействует, в котором живет, – не просто среда, противостоящая ему, как это понимается в биологии, где организм лишь адаптируется к среде. Практически каждый жилой интерьер представляет собой портрет живущего в нем человека, отражает его устремления, вожделения, страхи, идеалы, порывы, которые он каким образом воплотил, определил, овеществил в окружающих его объектах и схемах и сочетания и расположения, проявив в этом свою индивидуальность или, наоборот, конформируя с принятыми нормами.

Человек (в той мере, в какой он вообще осуществляет себя как таковой определяет и расширяет себя в продуктах своей деятельности, которыми он стремится заполнить всё более широкую сферу своего обитания. Таким образом предметный мир вокруг нас – не просто среда, а продолжение, экспансия организма |

его пространственном окружении, и чем дольше, тем более сильная и широкая. Каждая вещь при этом является продолжением либо нашего организма, либо другого организма, либо совокупности и сообщества организмов. Все люди движимые разнообразными потребностями, в той или иной степени проецируют и определяют себя вовне в рамках имеющихся в их распоряжении технико-экономических возможностей и ценностно-нормативных ограничений.

Здесь уместно вспомнить «теорию органопроекции» Павла Флоренского.

Флоренский начинал с того, что рассматривал проецирование человеческим организмом своих "рабочих органов" - зубов, ногтей, руки с ее пальцами и т.д. – в форме сначала простейших, потом все более сложных орудий. В конце концов он переходил к орудию, которое называл наиболее универсальным из всех орудий, – человеческому жилищу. Он рассматривал его как орудие деятельности не только физической, но и духовной, сопоставляя такое понятие дома с традиционными концепциями тела как жилища души или вестилища разума. Для Флоренского, в рамках его теории органопроекции, не существовало разрывов в эволюционно-историческом становлении опред�ченного человеческого мира, начинающегося с внешнего подобия зубов и когтей и кончающегося храмом.

Идеи Флоренского во многом перекликаются с работами более поздних исследователей, работавших независимо друг от друга. Например, Андре Леру Гуран, изучая историю и эволюцию техники, пришел к убеждению, что все орудия техники и вообще все предметы, создаваемые человеком, включая жилище, есть экстериоризация тех программ, которые несет в себе (по-видимому – изначально) человеческий организм, причем каждая конкретная историческая эпоха дает большие или меньшие возможности эти программы экстериоризовать с помощью уже имеющихся ресурсов и средств. Маршал МакЛюэн, с другой стороны, говорил о современных средствах телекоммуникации как о продолжении нашей нервной системы и нервно-психической деятельности, позволяющей обмениваться сообщениями в масштабах земного шара, а теперь, как мы видим, и космического пространства.

При таком подходе удается ликвидировать многие методологические противоречия и конфликты, присущие средовой концепции, или, по крайней мере, намечается возможность более плодотворного их преодоления в тех точках теории дизайна, где сталкиваются понятия биологического, технического и социокультурного порядка. Здесь можно говорить о том, что в процессе определяния антропопроекции или экстериоризации человеком и человечеством своих сущностных сил, органических функций или программ наступают моменты, когда спроектированные вовне, эти силы, органы и программы оказываются разорванными на множество фрагментов, отчужденными, противопоставленными друг другу. Более того, они начинают использоваться другими в совершенно иных намерениях и для совершенно других целей, нежели те, что были первоначально присущи самому "проектировщику". Тогда возникает необходимость специальных усилий по локализации возникающих здесь разрывов, изучения обстоятельств, их вызвавших, и поиска средств их преодоления в некоей новой предметной целостности.

Наряду с другими источниками, трактующими аналогичные вопросы, было бы полезно изучение теоретического наследия Е.А.Мурзина, инженера, ученого-исследователя и искусствоведа, который в годы Великой Отечественной войны работал над проблемами, названными впоследствии кибернетическими. После войны он посвятил себя поискам синтеза научно-технической и художественной мысли и практической деятельности. Его особенно интересовали возможности создания музыки путем превращения замыслов композитора в звук, минуя этап исполнения (он построил наиболее совершенный для своего времени фотоэлектронный синтезатор), и проблемы взаимообращения звуковых и зрительных

образов. Он оставил большой труд, в котором изложил свою концепцию становления и развития творческой человеческой деятельности, не разделяя субстанциальную науку, технику и искусство, но усматривая в них взаимопроникающие проекции творческой энергии, в конечном счете распространяемой человеком на всем окружающий его мир.